

Диагностирование ложных сообщений и произвольных ошибок при допросе свидетелей

Произвольные ошибки, как и ложные сообщения, имеют, как правило, одинаковые результаты – искажение объективной истины. Однако ложные показания в рамках применения приема допущения легенды скорее будут необходимым элементом изобличения лжеца. Искажение истины в этом случае оборачивается против самого лжеца. Однако значительно чаще и ложные сообщения, и произвольные ошибки имеют негативные последствия. Поэтому борьба с этими явлениями на основе современных психологических исследований представляет собой одно из необходимых направлений развития криминалистики.

Ложные сообщения существенно отличаются от произвольных ошибок по степени осознанности формулирования искажающей объективную истину информации. В случае с произвольными ошибками мы можем говорить лишь о добросовестном заблуждении. Ложь имеет иную психологическую природу и основана на сознательном искажении истины. Ложь может быть только осознанной, и поэтому не следует отождествлять произвольные ошибки с преднамеренным введением в заблуждение.

В любом случае и ложь, и произвольные ошибки могут существенно исказить объективную истину. Разработка тактического арсенала следователя по диагностике и разоблачению ложных сообщений, а также по предотвращению и преодолению произвольных ошибок на основе современных психологических исследований представляется в этой связи необходимой. Владение следователем целым комплексом диагностических и изобличающих приемов во многом предопределяет объективное, всестороннее

♦ **Шахмамедов Султан Ровшан оглы** – магистр права, член
Международной организации правовых исследований (Азербайджан)
E-mail: mopi_sid@yahoo.com

и полное исследование обстоятельств дела. Совершенствование навыков разоблачения лжи является необходимым условием профессионального роста.

Таким образом, под криминалистическим диагностированием ложных сообщений следует понимать, прежде всего, применение комплекса тактических приемов, направленных на выявление признаков сознательного введения в заблуждение относительно имеющих отношение к делу обстоятельств. В целом термин «ложные сообщения» необходимо признать условным, поскольку существует также пассивная форма лжи. Ю.П. Адамов в этой связи писал: «Как известно, извращение подлинных фактов в показаниях допрашиваемого достигается или путем умолчания (сокрытия), отрицания тех или иных обстоятельств исследуемого события – пассивная ложь, или «творческой» обработкой действительности за счет сообщения вымышленных сведений – активная ложь» (2, с.46).

Поэтому ложь представляет собой не только сознательное искажение действительности в форме передачи определенных сведений, но и преднамеренное умолчание (сокрытие) или отрицание с целью обмануть реципиента.

Наиболее точным родовым понятием по отношению ко всем формам (процессуальной и непроцессуальной, активной и пассивной) сознательного введения в заблуждение будет категория лжи в общефилософском и психологическом аспектах. Под ложью, с которой сталкивается лицо, осуществляющее расследование, необходимо понимать такое сознательное информационное воздействие, которое направлено на введение в заблуждение следственных и судебных органов относительно фактических данных, имеющих криминалистическое значение. Таким образом, в данном определении учтены возможности как пассивной, так и активной лжи. Кроме того, данное наиболее общее понятие охватывает своим содержанием не только ту ложь, которая передается вербальными средствами, но и, то сознательное искажение действительности, которое базируется на создании предметных инсценировок. Ограничение же лжи, с которой сталкивается лицо,

осуществляющее расследование, кругом криминалистически значимых данных отражает специфику уголовно-процессуальной деятельности по доказыванию (1, с. 71-76).

Предлагаемое нами понятие лжи охватывает как процессуальный способ получения криминалистически значимой информации, так и непроцессуальную форму собирания необходимых сведений. Соответственно следователь может столкнуться как с процессуальной, так и непроцессуальной формами лжи. Сведения, полученные из непроцессуальных источников, (оперативно-розыскные данные) также могут не соответствовать действительности. Однако следователь может применить указанные сведения в ходе производства процессуального действия, например, при использовании приема создания впечатления об определенной осведомленности следователя. Если основу такого тактического воздействия будут составлять не соответствующие действительности сведения, которые были получены из непроцессуальных источников, то, соответственно, применение указанного приема будет, по меньшей мере, иметь ничтожный результат.

Двусторонняя диагностика получаемой в ходе расследования информации предполагает оценку, как симптомов лжи, так и признаков правдивости. Такое диагностирование поможет следователю в особенно сложных ситуациях, когда правдивые в целом показания свидетелей имеют некоторые неточности, на основании которых при поверхностном анализе может быть сделан неверный вывод о ложности сообщаемой информации. Двусторонняя диагностика позволит более детально подходить к решению проблемы выявления лжи.

Следователю, поставившему среди ряда других также тактическую задачу оценки правдивости (ложности) получаемой информации, необходимо учитывать классификацию и виды лжи (правды) с тем, чтобы сделать более точные и обоснованные выводы. Помимо видов лжи, которые были рассмотрены выше, необходимо остановиться еще на одной классификации. Так, А.А. Закатов рассматривает следующие виды ложных показаний: 1) ложь, полностью состоящая из вымысла; 2) запирательство в форме утверждений

типа: «Я ничего не знаю»; 3) частичная ложь в виде исключения отдельных элементов события, либо дополнения события вымышленными фактами, либо перестановка отдельных элементов события в пространстве и времени (7, с. 12-15). Думается, что выделение различных видов ложной информации составит фундаментальную основу направлений диагностирующей деятельности.

Помимо разновидностей ложных сообщений следователю необходимо учитывать и виды правдивой информации. В частности, известный психолог В.В. Знаков в зависимости от доминирующего мотива высказывания выделил три основных вида правдивых сообщений: 1) инструментальная правда – средство достижения значимой для субъекта цели (утилитарная сторона), либо способ актуализации убеждений поступать только таким образом; 2) нравственная правда, которая основывается на представлениях субъекта о справедливости; 3) рефлексивная правда, которая проявляется у людей с коммуникативной рефлексией (9, с. 32-33).

Исследование мотивов дачи правдивых показаний следователем должно основываться на всесторонней оценке причинной обусловленности занимаемой допрашиваемым позиции. Подобный подход позволит достаточно точно определить латентный конфликт, если будет выявлен диссонанс между доминирующими мотивами и фактическим поведением лица, сообщаемого определенную информацию. В этом случае устанавливаются мнимо правдивые высказывания, которые только внешне соответствуют действительности. Особенно сложно распознание лжи при заведомо ложном оговоре, сопряженном с предметными инсценировками, направленными на создание впечатления о виновности определенного человека. Именно в этом случае выяснение методов подобных «правдивых» сообщений позволит следователю выявить латентный конфликт.

В целом, ложное информирование представляет собой одну из форм существования конфликта. Поэтому следователю при диагностировании поступающей информации необходимо видеть различия ложных сведений и данных, полученных в результате произвольных ошибок. Внешние признаки

обоих видов поступающей информации могут быть схожи: противоречивость, наличие пробелов, отсутствие конкретности и пр. Однако произвольные ошибки и ложь отличны по своей природе, что никак не позволяет отнести их к одной категории. Наиболее полно и точно, как нам представляется, различия лжи и произвольных ошибок представлены М.В. Лифановой, которая писала, что, во-первых, ложь всегда является действием волевым и осознанным, добросовестное заблуждение является неосознаваемым фактом, а во-вторых, ложь строится на адекватном восприятии фактов, тогда как основой добросовестного заблуждения выступают произвольные ошибки, и, наконец, в-третьих, ложные сведения формируются на более поздних стадиях анализа фактов и их воспроизведения, для добросовестного заблуждения характерен целостный период субъективной трансформации актуализируемой информации, включающей в себя ряд этапов: восприятие, запоминание и воспроизведение (12, с. 27-28).

Поэтому при анализе мотивов сообщаемых сведений следователь должен исходить из того, что выявленные несоответствия действительности могут быть обусловлены как осознаваемыми побуждениями (ложь), так и неосознаваемыми явлениями (произвольные ошибки). Диагностирование несоответствий объективной реальности в ходе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела должно включать, как использование приемов выявления лжности (правдивости) поступающей информации, так и оценку возможности произвольных ошибок.

Диагностические признаки, как правило, не носят доказательственного значения. Доказательственное значение может иметь лишь зафиксированная в процессуальном порядке в ходе производства процессуального действия информация. Поэтому выявленные противоречия в показаниях будут иметь одновременно доказательственное значение, а также представлять собой диагностический признак. Как справедливо пишет Е.В. Циленкова: «В ряде случаев (по делам о групповых преступлениях, в условиях противоречия доказательств) целесообразно составлять сравнительные таблицы показаний и

других доказательств по делу, что позволяет более наглядно выделить узлы противоречий, наметить пути их разрешения» (17, с. 10). Предложенный прием выявления противоречий является весьма эффективным как в плане установления правдивости показаний, так и в связи с потребностями диагностирования ложных сообщений.

Однако в большинстве случаев диагностические признаки лжи находятся вне сферы доказательственной информации, поскольку, как отмечалось ранее, значительно большую информацию при межличностном взаимодействии люди передают посредством языка жестов, мимики и пантомимики. Таким образом, именно язык жестов нередко служит основанием для сомнений в правдивости высказываний. Тем не менее, такая информация не может выступать доказательством по делу, поскольку в протоколах следственных действий фиксируется лишь вербальная информация, либо результат предметной деятельности (11, с. 166 -170).

Таким образом, диагностические признаки служат лишь ориентиром в выборе средств и методов воздействия. В частности, эмоциональная напряженность может являться следствием нормального волнения, связанного с осознанием привлечения к уголовной ответственности, либо пониманием необходимости дать точные показания и не допустить ошибок, либо иным проявлением внутренних переживаний, которые не образуют конфликтного поведения. С другой стороны, эмоциональная напряженность, проявляемая в невербальных средствах передачи информации, может явиться следствием дачи ложных показаний. Г.А. Зорин перечисляет следующие симптомы напряженности: мышечное напряжение, дрожание рук, подергивание мышц лица, губ, век, внешние проявления чувства «озноба», снижение точности движений, нарушение координации, ухудшение почерка и др. (10, с. 82). Невербальные сигналы не могут служить доказательством по делу, но они способны выполнять ориентирующую функцию, служить основанием для выдвижения версии о ложности сообщаемой информации. В этой связи мы не разделяем пессимизма А.Р. Ратинова и Н.И. Ефимовой, которые пишут:

«Несмотря на то, что в настоящее время проводится достаточно большое число исследований невербальной коммуникации, их результаты не позволяют дать точную интерпретацию таких символов» (14, с. 60). Думается, что в настоящее время назрела необходимость адаптировать к криминалистическим тактическим нуждам психологические исследования в области распознавания невербальных сигналов. Однако следует согласиться с недопустимостью рассмотрения указанных симптомов как доказательств по делу.

Поэтому криминалистическое диагностирование не должно ограничиваться исследованиями только лишь внешних проявлений симптомов ложных сообщений, поскольку указанные признаки дают основание лишь для вероятностных выводов. Криминалистическое распознавание лжи должно базироваться на оценке совокупности признаков, с установлением их корреляционных связей и зависимостей.

Установление корреляционных связей признаков ложных сообщений означает выявление их причинной основы. Данная задача решается как на базе установления причин ложных показаний, так и в рамках выявления обстоятельств, способствующих добросовестному заблуждению. Таким образом, выявление корреляционных связей несоответствующей установленным фактам информации должно включать в себя анализ: 1) причин ложных сообщений; 2) причин правдивых высказываний; 3) обстоятельств, способствующих произвольным ошибкам (6, с. 111-126).

Диагностические признаки лжи, безусловно, включают в себя три обязательных составляющих: 1) познаваемость реципиентом, в роли которого здесь выступает следователь; 2) репрезентативность через проявления человеческой деятельности; 3) направленность на вероятностное умозаключение реципиента о «ложности сообщений».

Таким образом, под диагностическими признаками лжи следует понимать познаваемые реципиентом проявления человеческой деятельности (осознаваемые и бессознательные), дающие основания для вероятностных выводов о сознательном введении в заблуждение.

Диагностический вывод о ложности поступающей информации будет тем более обоснован, чем большую совокупность признаков сознательного введения в заблуждение удастся установить, и чем определеннее выглядят корреляционные связи и зависимости одного уровня. Предположительный вывод о ложности поступающей информации будет наиболее точным, если будут установлены непротиворечивые связи диагностических симптомов обмана и признаков правдивых сообщений (11, с. 68-72).

Наиболее важно, как нам представляется, причины ложных признаний отражены Т.А. Скотниковой и включают в себя: «I. Особенности процессуально-тактической ситуации (категория внешней причины); II. Особенности личности подследственного, включая и переживаемое им психическое состояние (категория внутренних причин)» (16, с. 37). Думается, что данные причины свойственны не только самоговору, но и любым другим ложным сообщениям. Приведенная классификация позволяет следователю проанализировать не только причины, которые обусловлены личностными особенностями лжеца, но и те обстоятельства, которые носят внешний характер и обуславливают сознательное искажение действительности.

Криминалистический анализ поступающей информации должен производиться в континууме «правдивость – ложность». Поэтому оценка признаков ложных и правдивых сообщений в конкретном акте общения должна производиться всесторонне.

В психологической науке, наряду с самым распространенным признаком правдивости – конкретности, выделяют также правдоподобность, естественность движений, спокойный и уверенный голос, эмоциональность, наличие жестов, прямой и открытый взгляд, открытая поза, последовательность речи, логичность, специфичность фактов и др. Симптомами ложных сообщений свидетелей являются соответственно неконкретность, неправдоподобность, зажатость, скованность, неестественный и неуверенный голос, неэмоциональность, малое количество жестов, закрытая поза, непрямой взгляд (лжец взгляд уводит, глаза «бегают»), сбивчивость речи, противоречивость

сообщаемых сведений, отсутствие специфических фактов, усмешка, подмена темы и уход от ответа, неуверенные слова, чрезмерное самодовольство, хвастовство и др. (15, с. 65).

Приведенный перечень не является исчерпывающим, поскольку здесь отражены лишь наиболее типичные признаки ложных и правдивых сообщений. Распознавание лжи по названным признакам играет большое тактическое значение, поскольку даже при недостаточности изобличающих доказательств следователь может предпринять ряд приемов, которые в дальнейшем создадут необходимую основу для разоблачения несоответствующих действительности сообщений (прием допущения легенды, прием косвенного допроса, использование проговорок, фиксация противоречий в показаниях и пр.).

Конкретность излагаемой информации является самым распространенным, как отмечалось ранее, признаком правдивых сообщений. Поэтому отсутствие конкретности рассматривается психологами как симптом лжи. Думается, что в тактических целях имеет смысл для усиления диагностической ценности признака неконкретности в ложных сообщениях применить прием детализации показаний. В этом случае либо симптом неконкретности будет наиболее ярко выражен, либо неизбежно появятся противоречия в показаниях.

Признак неконкретности основывается на том, что лжец избегает каких-либо деталей в изложении легенды. Такое поведение в процессе допроса наиболее ярко выражено в случае определения контраста ложных и правдивых сообщений при использовании противодействующей стороной частичной лжи.

Частичная ложь представляет собой некое сплетение правдивых и ложных высказываний. Такая форма введения в заблуждение встречается, как отмечалось ранее, намного чаще, чем полная ложь. Поэтому прием контрастного распознавания будет весьма эффективен не только при анализе признака неконкретности высказываний. Лгущий в этом случае будет стремиться к изложению деталей для придания правдоподобности своим сообщениям при информировании о соответствующих действительности фактах. С другой стороны, ложные высказывания допрашиваемого,

прибегающего к частичному искажению действительности, будут характеризоваться неконкретностью, неуверенностью и другими признаками сознательного введения в заблуждение.

Таким образом, контрастность сообщений может служить ориентиром для выявления частичной лжи. Поэтому под контрастностью сообщений следует понимать наличие доминирования признаков правдивых высказываний или преобладания симптомов лжи на различных отрезках коммуникативной деятельности (11, с. 69-76).

Если имеются симптомы «различной полярности» по одним и тем же отрезкам коммуникативной деятельности без ярко выраженного доминирования одних над другими, то диагностирование ложных сообщений нередко значительно осложняется. Однако здесь речь идет не о контрастности, а о противоречивости симптомов. В частности, при тщательной подготовленности легенды сообщения могут отличаться конкретностью, уверенностью изложения, правдоподобностью. Однако даже самому умелому лжецу вряд ли удастся «подделать» все признаки правдивых высказываний. В наименьшей степени контролируются сознанием мимика, жесты и пантомимика. Даже умелая «подделка» невербальных средств коммуникации может иметь ряд признаков, по которым можно выявить искусственность демонстрируемых признаков правды. Такие признаки можно свести к двум категориям: 1) неконгруэнтность жестов, мимики и пантомимики (несоответствием невербальных средств общения высказываниям); 2) чрезмерная старательность в «подделке» признаков правдивых высказываний (слишком большое количество «открытых» жестов, не вызванное необходимостью детализирование и др.) (8, с. 111-119).

Следователь при диагностировании ложных сообщений должен оценивать все выявленные признаки в совокупности, отдавая приоритет тем симптомам, которые практически не поддаются сознательному контролю, либо тем из них, которые имеют объективные причины. В частности, лжец нередко слабо ориентируется в деталях, и поэтому признак конкретности подделать в этой

ситуации чрезвычайно сложно. Сознательному контролю подчиняются также далеко не все признаки ложных сообщений или правдивых высказываний. В частности, Р.С. Белкин дает следующие рекомендации: «Предъявляя допрашиваемому доказательства, следователь должен наблюдать за его реакциями, замечать, не изменяется ли при этом его психическое состояние» (5, с. 73). Такие внешние реакции могут служить ориентиром в определении конфликтности допрашиваемого. Сообщение же ложных сведений как форма осуществления противодействия в конфликтных взаимоотношениях также нередко сопровождается ограниченно контролируруемыми сознанием внешними проявлениями. Язык жестов является проявлением внутреннего мира человека, которое только ограниченно контролируется сознанием, и в этой связи известный психолог Аллан Пиз пишет: «Например, раскрытые ладони ассоциируются с честностью, но, когда обманщик раскрывает вам свои объятия и улыбается вам, одновременно говоря ложь, микросигналы его организма выдадут его потайные мысли. Это могут быть суженные зрачки, поднятая бровь или искривление уголка рта, и все эти сигналы будут противоречить раскрытым объятиям и широкой улыбке» (13, с. 29).

Поэтому следователю необходимо оценивать не какой-то отдельный признак, а выявлять все симптомы и изучать их в совокупности. Обоснованный вывод следователя о ложности или правдивости сообщаемой информации позволяет корректировать тактику производства процессуального действия. Правильное диагностирование ложных сообщений, существующих за рамками процессуальной формы, но имеющих криминалистическое значение, играет также немаловажную роль в выборе тактической линии.

Достаточно частым признаком лжи являются неправдоподобность излагаемых сообщений. Неправдоподобность представляет собой несоответствие сообщаемой информации нормативным представлениям. Неправдоподобность характеризуется наличием «необъяснимых фактов», противоречием поведенческих и событийных явлений. Лжецу очень часто отсутствие сведений об информированности следователя не позволяет

выстроить правдоподобную легенду. Поэтому следователь должен при анализе получаемой информации уделять внимание данному признаку, ориентируясь на нормативные представления о возможности существования тех или иных событий, тех или иных действий и явлений.

В криминалистической литературе уже уделялось определенное внимание симптоматике ложных показаний. В частности, О.Я. Баев видит в симптомах лжесвидетельства «ряд внешних проявлений при свободном рассказе допрашиваемого, к которым относятся эмоциональная бледность показаний (отсутствие проявлений эмоционального отношения к событию), искусственность формально-логической структуры показаний (нарочитая структура показаний); уход от темы (избегание определенной темы или обстоятельств); и вязкость в теме (допрашиваемый не может «уйти» от события и его обстоятельств)» (4, с. 108).

Думается, что названные симптомы не представляют собой полный перечень тех признаков, по которым можно судить о ложности показаний. Тем не менее, именно эмоциональная бледность является симптомом лжи, на основании оценки которого в совокупности с другими признаками психологическая наука рекомендует диагностировать сознательное введение в заблуждение. Необходимо, однако, отметить, что эмоциональная окрашенность показаний также может быть симптомом лжи, поскольку допрашиваемый, как и любой другой коммуникатор, нередко прибегает к «подделке» данного признака. Чрезмерное эмоциональное сопереживание при даче показаний также может свидетельствовать о ложности сообщения.

Особого внимания заслуживают современные исследования психологов в области невербальных средств общения. Невербальные источники информации могут быть подчинены сознательному контролю, но разнообразие жестов, мимики, пантомимики столь велико, что даже умелый лжец не сможет подделать весь язык телодвижений полностью (6, с. 116-126).

Таким образом, все симптомы ложных высказываний, с которыми вынужден сталкиваться следователь, целесообразно разделить на две

категории: 1) вербальные симптомы (систематичность изложения, внутренние противоречия и противоречия с установленными фактами, смысловая неправдоподобность, признак заученности, неконкретность и наличие пробелов, неспецифичность фактов); 2) невербальные признаки (эмоциональная бледность или чрезмерная эмоциональная окрашенность речи, неуверенный голос, бедность жестикуляции, сигналы мимики, жестов и пантомимики, подмена темы, уход от ответа). Отдельные симптомы не носят ярко выраженного вербального или невербального характера. Так, самодовольство и хвастовство, как симптомы неправды, могут выражаться как в языке жестов (ухмылка, высокомерное выражение лица и др.), так и в прямых высказываниях.

Диагностика психических фактов строится преимущественно на анализе внешних субъективных проявлений, отраженных в поведении или в результатах преступной деятельности. Поэтому распознаванию психических фактов, имеющих криминалистическое значение (и признаков ложных показаний в том числе), наибольшим образом отвечает категория психодиагностики. Таким образом, при рассмотрении признаков лжи, при установлении определенных типологических связей в определении психических черт личности изучаемого более целесообразно использовать термин «криминалистическая психодиагностика». Думается, однако, что следователь не имеет права вмешиваться в своей диагностической деятельности в компетенцию эксперта. Диагностика психики изучаемого лица, осуществляемая следователем, носит скорее характер распознавания с последующим использованием полученных сведений в тактических целях.

На основании изложенного, можно сделать вывод, что диагностирование следователем лжи по внешним признакам преимущественно носит вероятностно-тактический характер. Доказывание же лжи осуществляется посредством изобличения. Наиболее точно, на наш взгляд, сущность психодиагностики и процесса распознавания определил А.Ф. Ануфриев, который писал, что «психодиагностика как деятельность есть процесс

распознавания актуального состояния психологических особенностей отдельного человека или группы людей как причин параметров деятельности или конфликта с точки зрения соответствия норме» (3, с. 127). Таким образом, распознавание выступает основой диагностики. При этом диагностика представляет собой распознавание на данном временном отрезке настоящего (актуального) психического состояния. Распознавание же, по мнению Ануфриева А.Ф., осуществляется на основе известной диагносту системы понятий, при этом поведение отдельного обследуемого (человека или группы) подводится под общий тип в целях прогнозирования психологических особенностей, реализации коррекционного и профилактического воздействия для обеспечения необходимых параметров деятельности или устранения конфликта (3, с. 127).

Библиография

1. Абасов А.М., Сулейманов Д.И. Тактика допроса свидетелей – очевидцев разбойных нападений. Библиотечка криминалиста. Баку, НМЦ УВД БГИ, 1999.
2. Адамов Ю. П. Борьба с лжесвидетельством. Дис. ...канд. юр. наук. Для служебного пользования. М., 1974.
3. Ануфриев А.Ф. Психодиагностика как деятельность и научная дисциплина // Вопросы психологии. – 1994, № 2, с. 124-129.
4. Баев О.Я. Тактика следственных действий. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1992.
5. Белкин Р.С. Профессия – следователь (Введение в юридическую специальность). М.: Юристъ, 1998.
6. Блекборн Р. Психология криминального поведения. СПб: Питер, 2004.
7. Закатов А.А. Психологические особенности тактики производства следственных действий с участием несовершеннолетних. – Волгоград: Изд-во Научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела ВСШ МВД СССР, 1979.

8. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2000.
9. Знаков В.В. Психология понимания в познании и общении. Дис. ...д-ра психол. наук в виде научного доклада. М.: 1995.
10. Зорин Г.А. Тактический потенциал следственного действия. Минск: Изд-во Белорусского государственного ун-та, 1989.
11. Игонин Б.Б. Психология и тактика допроса свидетелей. Уфа, изд-во БГУ, 2005.
12. Лифанова М.В. Выявление и разоблачение ложных показаний. Дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 1997.
13. Пиз Аллан. Язык телодвижений. Как читать мысли других по их жестам. Перевод с английского Н.Е. Котляр. Нижний Новгород: Изд-во: Совместное российско-австралийское предприятие «Ай Кью»; Кострома: Изд-во ИПП «Кострома», 1992.
14. Ратинов А.Р., Ефимова Н.И. Психология допроса обвиняемого. Для служебного пользования. М.: Изд-во ВНИИ Проблем укрепления законности и правопорядка, 1988.
15. Симоненко С.И. Психологические основания оценки ложных и правдивых сообщений. Дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
16. Скотникова Т.А. Самооговор, уголовно-процессуальное, криминалистическое и судебно-психологическое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972.
17. Циценкова Е.В. Тактика проверки показаний обвиняемого на предварительном следствии. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Свердловск, 1991.